Камалов А. К.

Автобиография репатрианта из Китая как источник для изучения социальной истории фронта¹

Аннотация. Статья рассматривает автобиографию Мариам Палтушевой, одной из репатрианток из Синьцзян-Уйгурского автономного района. Автобиография, составленная на уйгурском языке арабским письмом в 1965 г., рассматривается как ценный источник по социальной истории Семиречья, которое в имперский и советский периоды представляло собой фронтирную область, тесно связанную с соседним Кульджинским (Илийским) округом китайской провинции Синьцзян. Информация, содержащаяся в источнике, относится к советской политике в отношении женщин и претворения ее среди уйгурского населения Семиреченской области. Факты профессиональной жизни М. Палтушевой относятся в основном к работе женского отдела, являвшегося специальным подразделением комитетов партии разных уровней. Одними из главных задач этого отдела в первые годы советской власти являлись ликвидация безграмотности среди женского населения и активное вовлечение женщин в социалистическое строительство. Автобиография также содержит информацию о китайском периоде жизни М. Палтушевой, которая в начале 1930-х гг. мигрировала в Кульджинский край, а в 1950–1960-е гг. вернулась в советский Казахстан. Соответственно, она рассматривается как важный источник по истории миграции из Китая в Казахстан.

Ключевые слова: автобиография, миграция, Семиречье, Казахстан, Китай, Синьцзян, Китай, женское движение, эмансипация, образование.

Ablet K. Kamalov

Autobiography of a repatriate from China as a source for studying the social history of the frontier

Abstract. The article examines the authobiography of Mariyam Paltysheva, who was one of repatriates from Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of Chi-

¹ Статья выполнена в рамках научного-проекта «Устная история миграции 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан» Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН AP08856732).

na. The autobiography written in the Uyghur language in Arabic script in 1965 is considered as a valuable source of information on social history of Semirechie, which in the imperial and Soviet periods comprised frontier region closely linked with neighboring Kuljia (Ili) district of Xinjiang province of China. Information of the source relates to the Soviet policy towards women and its implementations among the Uyghurs of Semirechie oblast'. Facts of professional life of M. Paltusheva describe mainly her work for Zhenski otdel (Zhenotdel), which was a special unit in the Communist party committees of various levels. Main tasks of the unit in the first years of the Soviet period was liquidation of illiteracy of women and their active involvement in the socialist construction. The autobiography also contains information on Chinese period of life of M. Paltusheva, who moved to neighboring Kuljia area of Xinjiang in the early 1930s, but returned to Soviet Kazakhstan in the 1950–1960s. As such, it is characterized as an important source on history of migration from China to Kazakhstan.

Keywords: autobiography, migration, Semirechie, Kazakhstan, Xinjiang, China, women movement, emancipation, education.

Революционное движение в России на рубеже XX в. выступало за радикальные перемены в политической, экономической и социальной жизни народа. Особое внимание оно уделяло разрешению «женского вопроса», то есть ликвидации неравноправного положения женщины в обществе. Декреты, уравнивающие женщину в правах с мужчиной в семье, в вопросах брака, гарантирующие одинаковую заработную плату, обеспечивающие охрану женщин и детей были приняты уже в первые месяцы советской власти [Пальванова 1982: 13]. Женский вопрос еще более остро стоял в мусульманских окраинах бывшей империи, где эмансипация женщины проходила в сложных условиях модернизации традиционного общества. Эмансипация мусульманских женщин советского Востока изучалась многими советскими и западными учеными. При анализе советских реформ в женском вопросе исследователи использовали разные теоретические и методологические подходы (Г. Маршалл, Д. Нортроп, М. Тохтаходжиева, М. Кэмп [2006] и др.). Эти подходы варьируются от рассмотрения женщины как пассивного объекта советской политики, которая некоторыми учеными даже называется «колониальной» (Д. Нортроп), до обращения к ним как к самостоятельному актору исторических процессов [Kamp 2006: 5–6]. Исследования по мусульманским женщинам Востока в основном ограничиваются рассмотрением положения женщин в обществе титульных нацио-

нальностей советских республик. Намного меньше уделялось внимания изменениям среди этнических меньшинств, например, уйгуров Семиречья. В существующих исследованиях по истории советских уйгуров обычно подчеркивались выдающиеся достижения советской власти на примере женщин, добившихся успехов в разных сферах общественной деятельности. В центре данной статьи – простая женщина из отдаленного уйгурского села в Семиречье, которая была женской активисткой и принимала участие в деятельности, направленной на кардинальное улучшение положения женщины в обществе, занимаясь ликвидацией безграмотности и другими актуальными задачами сначала в Советском Союзе, а затем в Кульджинском крае соседней китайской провинции Синьцзян.

В имперский период Семиреченская область России и Кульджинский (Илийский) край Цинской провинции составляли фронтирную область, которой были свойственны частые кросс-границные переселения населения, как индивидуальные, так и массовые. Кросс-границные миграции в обоих направлениях здесь продолжались вплоть до 1960-х гг., когда в результате ухудшения советско-китайских отношений, граница была полностью закрыта. Закрытию границы предшествовала масштабная миграция населения Синьцзяна в советский Казахстан в 1950–1960-е гг. [Аблажей 2015]. Первоначально вызванная советско-китайской договоренностью о репатриации советских граждан и выходцев из России (и СССР) на их историческую родину сразу после прихода к власти в Китае коммунистов, в силу внутренних и внешних факторов миграция охватила значительное число населения Синьцзяна разных этнических групп, в том числе русских, казахов, уйгуров, татар, дунган и др. Организованная миграция в СССР из-за ухудшения социально-экономической и политической ситуации в Синьцзяне превратилась в массовое стихийное бегство в апреле-мае 1962 г., апогеем которого стали кровавые события 29 мая в административном центре Илий-Казахского автономного округа – городе Кульдже. В это время из Синьцзяна бежало 67 тыс. человек [АП РК. Ф. 708. Оп. 39. Д. 1509. Л. 23]. Общее число мигрантов, выехавших в Казахстан в 1950–1960-е гг., оценивается в 253 тыс. человек [ЦГА РК. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 299. Л. 20]. Часть мигрантов в последующем переселилась в соседние советские республики, главным образом, в Киргизскую ССР и Узбекскую ССР.

Переселенцы из Синьцзяна, в 1955 г. переименованного в «Синьцзян-Уйгурский автономный район» (СУАР), представляли раз-

ные этнические группы и происходили из разных социальных слоев населения. Значительную группу среди них составили бывшие выходцы из России и Советского Союза, которые попали на территорию Синьцзяна в разное время из-за политических коллизий и экономических трудностей (восстание 1916 г., гражданская война 1918–1920 гг., включая массовый расстрел уйгуров в 1918 г., коллективизация сельского хозяйства и пр.). Кроме того, в начале XX в. переход государственной границы, которая не находилась под столь жестким контролем, был обычным делом для жителей приграничных районов. К таким выходцам из России (СССР), которые оказались в Кульджинском крае волею судьбы, но в 1950–1960-е гг. вернулись в СССР, относилась Мариям Палтушева, биография которой отразила социальные изменения в уйгурском обществе Семиречья начала XX в., особенно в жизни женщин.

Мариям Палтушева оставила автобиографию, обнаруженную автором данной статьи в ходе исполнения проекта по устной истории миграции 1950–1970-х гг. из Китая в Казахстан. Текст автобиографии был найден среди записей уйгурского историка и этнографа Гегеля Мажитовича Исакова (1935–2008). Автобиография была написана на уйгурском языке арабской графикой в обычной 12-листовой ученической тетради в линейку (с добавлением четырех дополнительных листов). Первые три листа тетради (справа налево) были оставлены незаполненными, возможно, предполагалось использовать их для каких-то целей, например, для помещения фотографий, на что наталкивает обнаруженное в тетради черно-белое документальное фото Мариям Палтушевой размером 7,5x10,5 см. На оборотной стороне фотографии указана дата 8 декабря 1965 г., в то время, как текст автобиографии датирован днем позже (09.12.1965). Рассказ Мариям о своей жизни, названный ею «Моя краткая история» (*уйг.* Қисқичә тарихим), написан мелким четким почерком и занимает девятнадцать страниц тетради. Целью написания автобиографии была, скорее всего, попытка ходатайствовать перед правительственными органами о назначении пенсии М. Палтушевой, так как она пишет, что «сейчас все дети служат, сама без пенсии» (*уйг.* Һазирқи әһвал балланиң бари хизмәтдә, үзәм пенсисиз). В конце автобиографии Мариям Палтушева отмечает, что направила свою историю вместе с фотографией Исакову (*уйг.* қисқичә тарихимни бир данә Һартам билән исхкопка йолидим). Гегель Исаков, выпускник исторического факультета Казахского государственного

университета, с 1963 г. работал младшим научным сотрудником Отдела уйгуроведения, только что созданного при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. Многие люди с вопросами по документации обращались к специалистам этого отдела. Неизвестно, как использовалась автобиография М. Палтушевой, однако оригинал рукописного текста остался у сотрудников Отдела уйгуроведения. Наши попытки найти потомков Марии Палтушевой оказались безуспешными. Известная среди алматинских уйгуров семья Турсуна Палтушева, являвшегося в советское время директором фабрики «Тус кыыз», оказалась однофамильцами нашей героини.

Автобиография М. Палтушевой интересна тем, что в ней подробно рассказывается о ранних событиях ее жизни, связанных с первыми десятилетиями советской власти в Семиречье. Гораздо меньше сказано о годах ее жизни в Синьцзяне и совсем нет информации о том, когда и по какой причине семья Палтушевой выехала в СССР. Мариям также не рассказывает о деталях переселения: ее рассказ обрывается последним местом ее работы – школой Таалия в Кульдже, куда она пришла работать преподавателем начальных классов в 1954 г. Судя по тому, что она успела получить 5–6 раз грамоты во время работы в этой школе до отъезда, можно предположить, что она покинула Кульджу между 1954 и 1960 гг. (кроме 1959 г., когда репатриация была приостановлена). Свое переселение в Казахстан Палтушева рассматривает как «возвращение на родину», что на самом деле соответствует действительности: она родилась в Кетменьской волости Семиречья в 1902 г., в 1932 г. перешла государственную границу и жила в Кульджинском крае, после чего в 1950–1960-е гг. вернулась в СССР. Из двух периодов жизни М. Палтушевой более полно описан первый, что можно объяснить особенностью памяти (более отдаленное время лучше вспоминается) или намеренным подбором фактов, которым она хотела больше акцентировать внимание на свою активную общественную позицию и участие в революционных преобразованиях в обществе.

Мариям Палтушева родилась 22 июня 1902 г. в селе Галжат в семье безземельного наемного крестьянина. Галжат (*каз.* Колжат) – уйгурское село, находящееся в нескольких километрах от границы с Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Ближайшим селом по ту стороны границы являлся Жагистай, а южнее – Монгол-кура [Касимов 1987]. Галжат входил в Кетменскую волость, территория которой была включена в состав Семиреченской области только в 1876 г., в период

российского правления в Кульджинском крае. Население Кетменской волости не входило в число переселенцев из Синьцзяна в Семиречье 1882–1884 гг. Село Галжат было известно в Семиречье в конце XIX в. тем, что здесь жил известный Назаргоджа Абдусемятов, основоположник уйгурской национальной истории, жадид, проповедовавший необходимость просвещения [Абдусемятов 1991]. Н. Абдусемятов участвовал в установлении советской власти в Семиречье, сотрудничал с коммунистами, но в начале 1930-х гг. ушел в Кульджинской край, где скончался в 1951 г. в селе Жагистай [Касимов 1987].

О своем образовании Мариям пишет, что она пошла в школу в восемь лет и закончила шесть классов (тогда самым полным было шестилетнее образование). В последующем закончила годовой курс учителей, а затем несколько раз посещала двухмесячные краткосрочные курсы. Когда ей было десять лет (1912 г.), скончался ее отец Ширип Разак-оглы, ее воспитывала мать Жамбана-ханым, дочь Гожамкула. В 1918 г. пятнадцатилетнюю девочку выдали замуж. Мариям пишет, что выйдя замуж, тайком она ходила в школу и сумела закончить шесть классов, что означает, что ее учеба в начальной школе прерывалась периодами, когда она не ходила в школу. Отчет об инспекции уйгурских сел Семиречья в 1929 г. отмечал сильную позицию богачей (баев), в отличие от русского и казахского общества, и «слабое классовое сознание» у бедняков [ГААО РК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 3. Св. 1. Л. 26–30]. Тогда сообщалось, что основная часть школ составляли 2–3 годичные, которые сильно отличались от семилетних школ, где в основном учились дети богачей. В отчете о положении уйгурской женщины говорилось, что оно отличалось от положения узбечек только тем, что уйгурки не носили паранджу, женщины не были вовлечены в социальную жизнь, немногие из них являлись членами партии и очень мало девушек в комсомоле [Там же]. В школе, в которой училась М. Палтушева, преподавателями в основном были татарки, из которых она называет имена трех учителей (Саня, Зухра, Шакира). Преподавались такие предметы, как география, история, воспитание, а также предметы по религии. Согласно Н. Абдусемятову, до 1905 г. в селе Галжат была только одна школа, но потом молодые люди инициировали создание новометодной школы (*уйг. йеңи усул мәктәби*), которая была закрыта вскоре по настоянию сторонников старой школы (кадимистов). Кроме того, тогда была учреждена русская школа по инициативе Талипова. По его сведениям, в 1910 г. в селе действовали четыре школы: одна староме-

тодная, две новометодные и одна на русском языке [Абдусемятов 1991: 142–144]. Из них три школы допускали обучение в них девочек. Скорее всего, М. Палтушева училась в одной из новометодных школ.

Основные факты биографии М. Палтушевой были связаны с просвещением и работой среди женщин. Первая из них относится к 1918 г., когда в месяц *мавлуд* (время рождения пророка Мухаммада), под предлогом, что женщины хотят провести чтения Корана в честь *мавлуда*, Мариям вместе с другими активистками вела на встрече пропаганду, читала стихи и уговорила женщин записаться на вечерний курс ликвидации безграмотности. В результате, на курсы записались 30–40 женщин. Мариям запомнились строки из стихотворения «Азатлик шеири» (Стихотворение свободы), которое звучало тогда на встрече:

Ач-ач кезицни һөрийэт заман.

Окунлар инқилаб көңүлни баклап.

Дэвләтин яклаб һөрийэт заман.

Ачик жәмийәт артсун мәдәнийәт.

Яшисун дәвләт һөрийәт заман.

Открой глаза, свободная эпоха.

Учитесь, глядя на революционный настрой,

Защищая государство, свободная эпоха,

Открытое общество пусть развивает культуру.

Да здравствует государство, свободная эпоха!

Сопротивление эмансипации женщин в уйгурском обществе не было столь сильным, как в других частях Русского Туркестана (Пальванова 1982: 49–50). Семья мужа Мариям первоначально убеждала, что она будет продолжать учиться, но вскоре стала этому препятствовать. Именно со встречей с женщинами на *мавлуд* был связан большой скандал, возникший в семье Мариям. После встречи с женщинами, боясь скандала, она заночевала в доме своих родителей. Когда рано утром пришла в дом мужа, извинилась, что без разрешения провела ночь у своих родителей, на нее набросились родители мужа с обвинениями и оскорблениями. Муж сильно побил ее и запер в комнате. Ей удалось бежать, сославшись на необходимость выйти по нужде. Решив, что муж придет искать к ее родителям, Мариям не сразу пошла к ним, а переночевала в сенной у соседей, а рано утром пришла к родителям. Мама Мариям решила не отпускать ее в дом мужа, однако бракоразводные процессы по инициативе женщины в то время не допускались,

и ей пришлось вернуться в дом мужа. Чтобы поддержать молодую женщину, местная школа приняла ее на работу на должность помощницы учителя, дав ей вести занятия на вечерних курсах, что поставило ее под защиту школы перед мужем и ее семьей. В 1922 г. сельская община решила направить мужа Мариям на учебу в Алма-Ату. Муж отправил ее в родительский дом и уехал на учебу. Оттуда прислал письмо родителям с просьбой не препятствовать учебе Мариям, после чего его родители дали ей некоторую свободу.

В это время Мариям назначили в селе в Женский отдел (сокр. женотдел). Отдел по работе среди женщин или «женский отдел» был секцией Коммунистической партии России, занимавшийся делами женщин в 1920-е годы. Он создавался при Центральном Комитете и местных комитетах партии. Впервые женотделы были созданы в России в 1919 г. Первой заведующей Женотдела ЦК была Инесса Арман, в 1920 г. ее заменила на этом посту Александра Коллонтай. Задачей женских отделов было «воспитание женщин в духе социализма и привлечение их к хозяйственному строительству и государственному управлению, координация процесса трансформации институтов брака» [Пальванова, 1982: 47]. Уже первые декреты новой власти в России запрещали ночной труд женщин, гарантировали пособие по беременности и родам, уравнивали женщин с мужчинами в семье и браке, а также в уровне минимальной гарантированной заработной платы. В ходе работы женотделы сталкивались с активной оппозицией не только со стороны мужчин, которая доходила до убийств (только в 1928 г. в Узбекистане были убиты 203 человек), но и среди самих женщин, которые боялись, что женотделы разрушают семьи и планируют отделить детей от родителей, поместив их в детские дома и школы. Женотделы были расформированы в январе 1930 г., когда их функции были переданы женским секторам в Отдел агитации и массовых кампаний. Эти сектора закрылись в 1934 г., когда И. Сталин объявил о том, что в СССР женский вопрос решен [Пальванова, 1982: 47–60].

М. Палтушева в своей автобиографии так описывает работу в женском отделе: «Начались собрания для женщин, один раз в месяц... Агитаторы, приходившие с вышестоящих органов, давали нам разъяснения. Теперь, наша работа стала официальной; сверх работы в своем селе, мы могли себе позволить выезжать с агитацией в другие села; я брала двух женщин с собой и ездила в каждое село, для работы ревкомы каждую неделю собирали женщин, проводили собрание, и присы-

ляли нам свои решения. Мы со своими делами (бумагами – *А. К.*) отправляли их в Жаркент. Каждый месяц я обходила села: 1) Галжат, 2) Большое Ачинока, 3) Малое Ачинока, 4) Кетмень (Б[ольшой]Кетмень), 5) Баг Кетмень (досл. «Сад-Кетмент» или Малый Кетмень – *А. К.*), 6) Шункар, 7) Дадамту, 8) Ордута, 9) Актам, 10) Тугман беши, 11) Узунтам, 12) Гомба, 13) Добун. Женщины, назначенные в этих селах, работают по инструкции сельского правительства. Их работа заключалась в том, чтобы ликвидировать безграмотность женщин [на курсах, организовывавшихся] после работы. Каждую неделю мы устраивали собрание, обсуждали работу, которую нам предстояло сделать – обеспечить полное посещение детьми школ, не выдавать замуж девочек, не достигших необходимого возраста, и не продавать их за *калым* (приданое – *А. К.*) и скот, обеспечивать равноправие женщин и их участие в том, чтобы выбирать и быть выбранными» [Палтушева, 1965: 7–8]. Как видно из этого описания, Мариям обходила все уйгурские села Кетменской волости. В составе волости были также три села, населенные казахами (Нарынкол, Сарыбулак, Косагач) и отдаленное уйгурское село Дулаты, которое Мариям не упоминает [Румянцев, 1914: 83]. Все эти села в настоящее время находятся на территории Уйгурского района Алматинской области, однако некоторые из них больше не существуют.

М. Палтушева приводит в своей автобиографии подробные описания отдельных историй, произошедших в разное время, которые при перечислении отдельных фактов биографии напоминают некие художественные отступления. Первая история относится к лету 1923 г., когда Мариям вместе с двумя другими женщинами, взяв своего ребенка, которому еще не исполнился год, обошла многие села с пропагандой и, наконец, приехала в село Актам. В селе жил мусульманский 70-летний судья (*уйг. кази*), у которого были две жены: старшей жене было 60 лет, младшей – 20 лет. Мариям вместе с помощницами проводила собрание в саду у этого человека. Кто-то успел напугать судью, сообщив, что могут развести со второй женой. Тогда он запер младшую жену, но местные женщины помогли ей выбраться из дома и пойти на собрание. *Казии* оставалось только наблюдать за всем этим со стороны. После собрания с ним была проведена необходимая разъяснительная работа. Его молодую жену назначили ответственной за сельский женотдел. Женщина оказалась способной и вскоре стала помощницей учителя. К следующему посещению Мариям судья скончался, а его вторая жена стала свободной.

Сразу после посещения Актама произошло еще одно приключение. Мариям с женщинами на лошадях направилась в село Гумба. Их разделяла равнинная местность, во время пересечения которой лошадь Мариям испугалась и понеслась. Когда она падала, то одна нога ее застряла в стремени. Женщина, которая ехала рядом, пыталась вытащить ее ногу из стремени, но сама упала с коня. Еще одна женщина сошла с коня, испугавшись, но не удержала его. Так три женщины с ребенком оказались в открытой местности и шли пешком. Было вечернее время. Впереди вдали от женщин были видны уходящие от них лошади. Мариям пыталась подбодрить спутниц. Через какое-то время навстречу к ним вышла группа всадников. Мариям испугалась, поскольку в то время на дорогах было много бандитов. От страха молодые спутницы стали плакать. Когда всадники приблизились, оказалось, что они вели на поводу их лошадей. Это были жители того села, куда Мариям направлялась. Под их сопровождением женщины благополучно добрались до назначения. Женщин приняли на постой старики. Как пишет Мариям, бабушка всегда участвовала в собраниях, которые проводились в их селе. Старики зарезали козленка, легкими которого обернули ее младенца. Бабушка, угощая ее мясом, приговаривала: «Доченька, служение людям – это великое дело».

После Гумба группа женщин поехала в село Большое Ачинока. Здесь произошла встреча с молодым чекистом, который остановился в том же доме, в котором разместились Мариям со спутницами. Худой молодой человек лет 35 приехал из Жаркента, возле него был «поручик». Мариям ответила на все вопросы чекиста, рассказала о своей работе. Тот выписал ей свидетельство и указание о том, чтобы женщинам предоставляли лошадей везде, где остановятся. Чекист дал целую стопку денег. Это были старые деньги, и на сто рублей (сом) можно было купить 1 коробку спичек. Тем не менее, это были большие деньги.

В 1924 г. Мариям отправилась в Яркент (ныне: Жаркент) по приглашению женотдела города. Здесь она получила назначение возглавить женский отдел района. Центральный районный женотдел находился в селе Шункар, где она приступила к работе в 1925 г. Позже головное учреждение женотдела было переведено в село Кетмень. В 1926 г. районный центр был переведен в Гумба, куда Мариям переехала вместе с мужем и детьми. Там они с мужем преподавали, не получая заработной платы, получая иногда материальную помощь от населения. «Это было военное время, было трудно», – отмечает в автобиографии

Мариям. В 1927 г. Мариям вернулась в родное село Галжат. Работа в женском отделе проводилась под руководством секретарей партийных органов, из которых Мариям вспоминает казаха Толмубега Иралиева из Кетменя и русского Тутавина из Шункара.

В обязанности руководителя женского отдела входило участие в конференциях. Мариям запомнила конференцию в Алма-Ате 1926 г. Из района на конференцию отправили трех женщин, представлявших три этнические группы (русскую, казашку и уйгурку). Конференция проходила восемь дней. На ней М. Палтушева выступила с докладом о женщинах Востока. Мероприятие проходило в женском клубе, который раньше назывался «красным клубом». Из Алма-Аты возвращались домой втроем – Мариям, казашка Колтай и другой работник по фамилии Байпаков. В это время было много бандитов, но у Байпакова было оружие. Ехали с двумя арбаками. Арба, запряженная тремя лошадьми, ехала из Алма-Аты в Яркент без остановки пять дней.

1927 г. Мариям с семьей вернулись в Галжат. Вскоре здесь заболел муж. Жили в Галжете, но каждый месяц Мариям обходила все села. В 1928 г. в мае муж отправился в Каракол (Пржевальск) показаться врачам, но так и не вернулся. Больше ничего Мариям не говорит о нем. В этот же год глава Галжата Талип Рахманов отправил Мариям на двухмесячные курсы в Жаркент. Мариям съездила туда, оставив детей у своей мамы. После возвращения в село, согласно полученным на курсе знаниям, вместе с партийным секретарем села и исполкомом, участвовала в сборе налога с населения.

Очередное мероприятие, в котором М. Палтушева приняла участие, имело неожиданный исход. В декабре 1929 г. заболела и вместе с представителями колхоза поехала в Яркент для обследования, оставив детей у родственников. По дороге в Жаркент она сильно заболела и показала местным врачам. Ей нужно было учиться на годичных учительских курсах. Чтобы прокормить себя, она до обеда работала продавцом в магазине райпотребсоюза, а после обеда посещала курсы. Когда она решила отправить арбу, чтобы привезти своих детей, оказалось, что их забрали в Китай родители супруга. Мариям закончив курсы, судя по всему, в конце 1930 г., вернувшись в Галжат, где нашла только младшую дочку Гулсум, которой удалось спрятаться и дожидаться своей мамы. Мариям проработала весь 1931 г. в колхозе, затем преподавала в школе в селе Нагирчи. В 1932 г. с дочкой она перешла государственную границу в поисках своих двух старших детей.

На территории Китая М. Палтушева прожила до 1950-х гг, когда началась репатриация советских граждан на историческую родину. Несмотря на достаточно длительное время, проведенное в этой стране, в своей автобиографии Мариям посвятила этому периоду своей истории незначительное место. Мариям не объясняет причины переселения родителей мужа в Китай. На самом деле в конце 1920 – начале 1930-х гг. имело место массовый уход населения Семиречья в Китай, в связи с начавшейся коллективизацией сельского хозяйства, репрессиями богатых крестьян и голодом. В октябре 1929 г. правительство Казахской Автономной Советской Социалистической Республики издало указ о мерах против баев, кулаков и состоятельных крестьянских хозяйств, которые избегали налогов и выполнения других обязательств. На основе этого указа были произведены массовые аресты и конфискация имущества [Мендикулова, Атантаева, 2008: 146–148]. У М. Палтушевой были собственные мотивы для пересечения границы: найти своих детей. Первоначально она отправилась в села Хонихай и Мазар, где обосновались родители и родственники ее мужа. Те, конечно, не собирались отдавать ей детей и пожаловались властям на нее. Мариям сразу была арестована, ее били «три раза в день». Здесь мы узнаем, что старшая сестра Мариям, неизвестно, родная или двоюродная, жила в этой местности. Она обратилась к некоему Иминжан-шанью и за выкуп смогла выволить Мариям, которая подписала бумагу, что не будет пытаться украсть детей. Последнее было распространенным явлением в Синьцзяне, о чем можно судить по документам, регулировавшим передачу детей на попечение богатых людей в республиканское время в Кашгарии [Kamalov 2018]. Чтобы возвратить детей, Мариям нужны были средства, поэтому она нанялась к богачу Исмаил-баю в селе Союнбулак на прополку опиума. Спустя два года она смогла накопить достаточно денег, чтобы заплатить шанью и забрать своих детей. Достигнув своей цели, Мариям не вернулась в Советский Союз, а обосновалась в приграничном Суйдин кура. Ее решение не возвращаться в СССР было связано, скорее всего, с политическими репрессиями и массовым уходом людей в Китай. 1930-е годы были временем правления губернатора Шэн Шицая, который пришел к власти в Синьцзяне при помощи Советского Союза и начал политику модернизации экономики и развития образования. Мариям в 1935 г. окончила месячные курсы и получила право на работу в качестве преподавателя. Теперь она могла вернуться к своей профессиональной деятельности и зани-

маться ликвидацией безграмотности женщин. Время правления Шэн Шицзя характеризовалось чрезвычайным влиянием СССР в Синьцзяне, где действовал репрессивный аппарат И. Сталина. Поэтому вполне объяснимо, что целые десятилетия жизни Мариям в Синьцзяне не получили какого-либо освещения в автобиографии. Единственный факт, о котором мы узнаем – это то, что ее дети получили образование.

В ноябре 1944 г. в трех приграничных к Казахстану районах Синьцзяна произошло восстание против Гоминдана, которое закончилось изгнанием гоминдановских войск из территории Или, Тарбагатай и Алтая и созданием здесь Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) [Benson 1990]. Эти события произошли при поддержке СССР, который оказывал военную и экономическую помощь правительству ВТР. В этот период в жизни М. Палтушевой произошло несколько событий. Мариям пишет, что в 1945 г. ее дети участвовали в революции и получили работу преподавателей. В тот же год был учрежден женский отдел: «В 1945 г. работали на союз женщин, отправляясь во все районы с пропагандой, мы учредили женотделы» [Палтушева, 1965: 19–20]. Еще одним интересным фактом является то, что Мариям работала не только с уйгурскими женщинами, но и женщинами из этнической группы сибов в Сумбуле. Слабая отраженность событий периода ВТР в автобиографии М. Палтушевой говорит о том, что Мариям не делала различия между периодом ВТР и периодом КНР. На самом деле с приходом коммунистов, китайские власти объявили восстание в Или, Тарбагатае и Алтае «революцией трех округов» (*кит.* саньцзюй гэмин), назвав его частью китайского коммунистического движения. В СССР тема Восточно-Туркестанской Республики замалчивалась в связи с советской ролью в этой провинции. С установлением коммунистической власти опыт Мариям в области образования и работы с женщинами стал востребованным. Она приняла активное участие в земельных реформах в селах Кульджинского района и работала одновременно учительницей в школах. В 1950-е гг. по рекомендации Общества китайско-советской дружбы она написала пьесу «Сирота Мариям», в которой отразила судьбу маленькой девочки, которую она приютила в Кульдже и затем передала местным властям. Копию пьесы конфисковали советские службы при возвращении Мариям в Казахстан.

Последние факты профессиональной истории Мариям были связаны с преподаванием в уйгурских школах г. Кульджи: в 1953 г. она работала в начальной школе № 12, а в 1954 г. в начальной школе № 4,

известной как «школа Таалия» по имени основателя Абдумутаали халпат Камала [Paltusheva 1965: 21; Камалов 2020]. На этом заканчивается изложение жизненной истории Мариям Палтушевой в ее автобиографическом тексте. Когда в 1954 г. Советский Союз по согласованию с китайскими властями начал вывозить своих граждан, среди них была и Мариям, которая получила советский паспорт еще в 1946 г.

Последние строки в автобиографии Мариям звучат так: «Когда мы вернулись на Родину, все подтверждающие бумаги были изъяты, а вместо них выдали одну бумагу. Наша семья - это двое сыновей, я сама, дочка, зять, сноха. Мы все имели работу (в Китае), один сын и сноха работали в госпитале, остальные – все мы учителя. Мы получили по одной тысяче рублей (сом), когда нам позволили вернуться [Paltusheva 1965: 22].

В заключение следует сказать, что автобиография Мариям Палтушевой является ценным источником по социальной истории советско-китайского пограничья. По жанровым особенностям она близка к мемуарной литературе, хотя целью ее составления было воспроизведение профессиональной биографии. Близость к мемуарам проявляется в том, что изложение биографии не ограничивается сухим перечислением жизненных фактов, выстроенных в хронологической последовательности, а включает немало эмоционально окрашенных рассказов и содержит чисто литературные элементы, несвойственные биографическому жанру. Например, не раз рассказы вводятся такими выражениями, как «а теперь слушайте о том-то». Сведения, содержащиеся в автобиографии М. Палтушевой, могут быть использованы для изучения феминистского движения в уйгурской общине Семиречья, особенно истории эмансипации женщин в первые десятилетия советской власти. Кроме того, автобиография важна с точки зрения истории миграции населения Кульджинского края в советский Казахстан в 1950–1960-е годы [Кожирова 2016]. В биографии нашли отражение два разных периода в жизни героини – советский и китайский: М. Палтушева провела примерно равные по длительности отрезки времени в российском Семиречье и китайском Кульджинском крае. Само появление на свет автобиографического текста в 1964 г. было результатом миграции населения из Китая в Казахстан. Сведения автобиографии значительно дополняют наши знания о женском вопросе и образовании в первые десятилетия правления большевиков в России, а также о политике китайских ком-

мунистов в этой же области, основанные на информации архивных и других официальных документов.

Литература

1. Аблажей Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015. 254 с.
2. Камалов А. К. Религия и политика в Восточно-Туркестанской Республике: жизнь и деятельность Абдумутаали Халпат // Ежелгі тарихтың тамыршысы. Алматы Қазақ университеті, 2020. С. 121–131.
3. Кожирова С. Миграция из Китая в Казахстан: история и современность. Алматы: Мир, 2017. 304 с.
4. Мендикулова Г., Атантаева Б. История миграции между Казахстаном и Китаем в 1980–1960-е гг. Алматы: Са-Та, 2008. 232 с.
5. Пальванова Б. Эмансипация мусульманок: опыт раскрепощения женщин советского Востока. М.: Наука, 1982. 303 с.
6. Румянцев П. П. Таранчи. СПб.: б/и, 1914. 236 с.
7. Абдусемәтов Назарғожа. Йорук саһилар [Светлые берега]. Алматы; Жазушы, 1991. 240 с.
8. Касимов А. Йеңиланған Ғалжат [Обновленный Галжат]. Алматы: Казахстан, 1987. 88 р.
9. Палтушева М. Қисқичә тарихим [Моя краткая история]. Алматы, 1965 (рук опись).
10. Benson L. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. Armonk-London: M. E. Sharpe, 1990. 265 p.
11. Clark W., Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. No 23(2). 2004. P. 167–182.
12. Kamalov A. Uyghur Civil Documents on Child Adoption in Republican Xinjiang // Xinjiang in the context of Cultural Eurasian Transformation / Ed. by T. Onuma, D. Brophy, Ya. Shinmen. Tokyo: The Toyo Bunko, 2018. P. 143–166.
13. Kamp Marianne. The new woman in Uzbekistan: Islam, modernity, and unveiling under communism. Seattle-London: University of Washington Press, 2006. 320 p.
14. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 39. Д. 1509. Л. 23.
15. Выписка из протокола № 18 Заседания бюро Алма-Атинского окружкома ВКП(б), индекс 62, пункт № 3, 21.02.1929 // Государственный Архив Алматинской области Республики Казахстан (ГААО РК). Ф. 279. Оп. 1. Д. 3. Св. 1. Л. 26–30.

References

1. Ablazhei N. N. Kazakhskii migratsionnyi mayatnik «Kazakhstan–Sin'tsyan». Emigratsiya. Repatriatsiya. Integratsiya. Novosibirsk, 2015. 254 s. [In Russ.].
2. Kamalov A. K. Religiya i politika v Vostochno-Turkestanskoj Respublike: zhizn' i deyatel'nost' Abdumutaali Khalpat // Ezhelgi tarikhtyn tamyrshysy. Almaty Kazak universiteti, 2020. S. 121–131. [In Russ.].
3. Kozhirova S. Migratsiya iz Kitaya v Kazakhstan: istoriya i sovremenost'. Almaty: Mir, 2017. 304 c. [In Russ.].
4. Mendikulova G., Atantaeva B. Istoriya migratsii mezhdru Kazakhstanom i Kitaem v 1980–1960-e gg. Almaty: Sa-Ta, 2008. 232 c. [In Russ.].
5. Pal'vanova B. Emansipatsiya musul'manok: opyt raskreposhcheniya zhenshchin sovetskogo Vostoka. M.: Nauka, 1982. 303 c. [In Russ.].
6. Rumyantsev P. P. Taranchi. SPb.: b/i, 1914. 236 c. [In Russ.].
7. Abdusematov Nazarfozha. Ioruk sahilar [Svetlye berega]. Almaty; Zhazushy, 1991. 240 s. [In Kazakh.].
8. Kasimov A. Iehilanfan Falzhat [Obnovlennyy Galzhat]. Almaty: Kazakhstan, 1987. 88 p. [In Kazakh.].
9. Paltusheva M. Kiskichə tarikhim [Moya kratkaya istoriya]. Alma-Aty, 1965 (ruk opis'). [In Uigur.].
10. Benson L. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. Armonk-London: M. E. Sharpe, 1990. 265 p. [In Engl.].
11. Clark W., Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. No 23(2). 2004. P. 167–182. [In Engl.].
12. Kamalov A. Uyghur Civil Documents on Child Adoption in Republican Xinjiang // Xinjiang in the context of Cultural Eurasian Transformation / Ed. by T. Onuma, D. Brophy, Ya. Shinmen. Tokyo: The Toyo Bunko, 2018. P. 143–166. [In Engl.].
13. Kamp Marianne. The new woman in Uzbekistan: Islam, modernity, and unveiling under communism. Seattle-London: University of Washington Press, 2006. 320 p. [In Engl.].
14. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK). F. 708. Op. 39. D. 1509. L. 23.
15. Vypiska iz protokola № 18 Zasedaniya byuro Alma-Atinskogo okruzhkoma VKP(b), indeks 62, punkt № 3, 21.02.1929 // Gosudarstvennyi Arkhiv Almatinskoi oblasti Respubliki Kazakhstan (GAO RK). F. 279. Op. 1. D. 3. Sv. 1. L. 26–30. [In Russ.].